

Владимир Файнберг — профессиональный писатель, поэт. Он окончил Литературный институт, у него несколько вышедших поэтических сборников, много изданной прозы. Но его писательская судьба все же необычна. В какой-то момент она резко меняет курс, свои ориентиры и становится качественно иной. Этот слом совпал со знакомством, перешедшим затем в тесную, очень близкую дружбу с отцом Александром Менем. Роман Файнберга «Здесь и теперь» написан с благословения о. Александра. Это рассказ о духовном опыте самого писателя. Когда роман был закончен, отец Александр, не говоря о том автору, послал один, подаренный ему, экземпляр рукописи на конкурс, проходивший тогда, в 1989 году, в Лондоне. Известие о присуждении роману первой премии пришло, когда о. Александра уже не было с нами.

— Владимир Львович, когда я позвонила вам и сказала, что хочу встретиться, чтобы поговорить о вашей дружбе с отцом Александром, вы удивились: мол, день убийства священника уже позади. В этой вашей реакции слышалась горькая ирония. Действительно, газеты вспоминают об отце Александре Мене только в связи с датой его трагической гибели. Но для большинства из нас, не бывших с ним знакомыми, его человеческий облик с годами становится все более удаленным. А ведь о. Александр был удивительным человеком. И то, что произошло с вами после знакомства с ним, тоже очень интересно.

— Знаете, у меня не зарастает эта рана на сердце. Кровь продолжает литься, как в тот день, когда я узнал о гибели отца Александра. Меня не было в Москве... Я б свою шею подставил под тот топор. Сейчас как бы новое следствие ведется в Генпрокуратуре, но все это выглядит еще одним отвратительным мероприятием для галочки. Ко мне, вот в эту комнату, в течение двух лет после убийства приходили следователи. Они симпатично разговаривали со мной, но я видел, что они старались меня не слышать, что они абсолютно не хотели найти убийцу. Участвовать в той комедии было невыносимо. Но она продолжается, и это страшное оскорбление памяти о. Александра. А ведь он знал в последние свои дни, что за ним следят, но никому ничего не сказал. Я тогда был в Пицунде, в доме отдыха писателей, и он знал о том. И страшную телеграмму я получил в Пицунде. Но когда вернулся, то один человек

Век Москва - 1897 - 1907 - с. 4

Владимир Файнберг: «У меня не зарастает эта рана на сердце»

рассказал мне, что за несколько дней до гибели отец просил его звонить мне по телефону. Я понял: зная, где я, отец все же надеялся каким-то образом связаться со мной. Думаю, я очень нужен был ему в той губительной ситуации, когда кольцо смерти вокруг него сжималось. И все же он ничего никому не сказал о том. Продолжал поздно, после лекций в Москве, возвращаться к себе на подмосковную станцию «Семхоз» Сергиево-Посадского района. Но ему нельзя было этого делать. Он ведь часто ночевал у меня, когда задерживался в Москве, особенно после гэбистских «бесед» в Совете по делам религий.

Приходил, садился вот на этот стул, прикрывал от усталости веки. Я тогда тихонько выходил, давая ему минуты отдыха. Какой там! Тут же звонил телефон — ему и беспорывно. В одиннадцать часов я не выдерживал, зная, что ему вставать в половине шестого, выдергивал шнур из розетки, стелил ему на кушетке, тушил свет, прощался... А через несколько минут он тихонько стучал мне в комнату: «Полковник, дайте новости посмотрим!».

— А почему он называл вас полковником?

— Однажды я рассказал ему, как в свое время в Сухуми часто встречал в троллейбусе незнакомого человека, который всегда приветствовал меня восклицанием: «Салют, полковник!». Когда я спросил его, отчего полковник, он сообщил, что каждый мужчина рождается в определенном воинском звании. «Вот вы — полковник, и хоть из кожи вон лезьте, никогда не станете генералом». О. Александру очень понравился такой способ классификации людей.

— А как это все случилось: знакомство, ваш роман, ваше крещение, ваша вера?

— Я, как и многие, был когда-то совершеннейшим материалистом, ко всему прочему, и кинорежиссером, работал в кинообъединении «Экран» на ТВ. Но, слава Богу, меня там продержали три года, не давая работы, а потом выкинули по сокращению штатов. В то же примерно время учился в полуправильной лаборатории парапсихологии, и за семь лет, что провел там, у меня накопилось много мировоззренческих вопросов, на которые мне никто не мог ответить. Я встречался со многими учеными, даже с директором Института теоретической физики. Но никто не мог мне помочь. Или лепетали чепуху, или откровенно признавались, что ничего не знают. И тогда одна знакомая девушка сказала, что есть человек, который ответит на все мои вопросы. Этим человеком оказался отец Александр.

— Ответил?

— Конечно.

Владимир Файнберг

— И он привел вас к Богу?

— Да. Только он никогда не поучал. Привозил мне книги, такие, что и сейчас редкость. Однажды я сказал, что хочу креститься. Но отец Александр этот момент все откладывал. «В вас говорит пионерский энтузиазм», — напоминал он мне. Однажды привез свои книги, изданные в Брюсселе в издательстве «Жизнь с Богом». Я позже попал в это издательство и целовал руки женщине, которая все это издала.

У него была очень трудная жизнь. Последние пять лет он — очень известный человек. Его осаждают тысячи людей. У него — миллионная аудитория слушателей. Но в сущности он был в это время очень одиноким человеком.

То, что он сделал — его книги, многотомный словарь по библеистике (между прочим, труд, не имеющий аналогов в мире, и который мог осилить только целый научно-исследовательский институт), служение в храме, беседы, встречи с людьми, — просто не поддается осознанию. А такие «гаврики», как я, просто терзали его одними и теми же вопросами. Мы донимали его и тем, не осознавая это, убивали. Ему же из-за нас просто некогда было работать. Он писал в электричке, подложив папку под лист бумаги. Так и говорил: «Мой рабочий кабинет — электричка». Он жестоко страдал от псориаза, от бессонницы. Это все результат нечеловеческих нагрузок. Мало кто вникал в его трудности. Приходили за благословением на удаление зуба... Особый разговор — женщины. Он был очень красивым, и ему проходу не давали многие его прихожанки. Использовали исповедь для нашествия своих признаний. И меня пытались привлечь с той же целью. Мы губили его своей любовью...

— А как отец Александр относился к вашим занятиям парапсихологией, к тому, что вы лечили людей своей биоэнергией?

— С огромным интересом относился. Говорил, что церковь не признает экстрасенсов оттого, что сама растеряла опыт лечения людей. А когда-то, рассказывал, при каждом храме был свой целитель. Он и сам умел снимать руками боль. Однажды помог мне снять повышенное артериальное давление.

— Как писался ваш роман «Здесь и теперь»?

— Батюшка приезжал ко мне каждую неделю и просил читать, как он говорил: «То, что вы там накарывали». Он никогда не говорил, плохо ли, хорошо. Только часто замечал: «А почему тут вы испугались написать то, что мне рассказывали?» или «Мне кажется, здесь вы немножко не доверились Богу».

— Награда, которую вы получили за роман, была неожиданностью?

— Конечно! Те 450 фунтов стерлингов — премия — мне очень пригодились. Я ведь познакомился с отцом, когда был в тяжелейшем материальном положении: без работы, мои вещи не печатаются, старики-родители беспомощны. И о. Александр, зная, что я не возьму от него денег, ухитрился засунуть их в книги, привозил мне продукты, хоть я всегда протестовал.

— Отец Александр успел прочитать только первую книгу вашей трилогии?

— Да. Он благословил меня на работу над вторым романом под названием «Все детали этого путешествия», но закончил я его уже без него. А третья книга — «Скрижали» — посвящена ему. Он был чудным человеком. Те православные ученые, которые лояльно к нему относятся, пишут, что он был хорошим проповедником Евангелия. Да, был. Но это лишь частность. Главное — он был живым доказательством существования Христа в нашем мире и того, что можно на этом свете жить по заветам Христа.

Сейчас его книги расходятся миллионными тиражами. Но его дело умирает. Недавно одна близкая знавшая его прихожанка Соня Рукова передала его горестные слова: «Я умру, и за мной никто не пойдет». Это значит, что можно прочитать все его книги и благополучно поставить на полку, а жить так, как он хотел для нашего же счастья, мы не умеем и не хотим».

...Я до сих пор казню себя, что не уговорил его в августе 90-го года уехать со мной в Пицунду. Может, это было бы его спасением.

Беседавала Татьяна ГЛИНКА
Фото Александра ШЕРКОВА